

ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

В статье рассматривается управленческий аспект понятия «идентичность» в современных общественно-политических условиях. Анализируется взаимосвязь процессов формирования идентичности и организации системы государственного управления. Обосновывается вывод о том, что проблемы поиска гражданской и государственной идентичности (как в индивидуальном, так и в групповом плане) весьма актуальны в современном мире и затрагивают все общество в целом.

Ключевые слова: идентичность, государственное управление, государство, общество, российское общество

Понятие «идентичность» сегодня применяется ко многим политическим, социальным, этническим и культурным явлениям, его общее содержание составляет тождество объекта с собой, его существование в четких рамках, определенность его бытия, стабильность и целостность. Понятие «идентичность» может относиться и к отдельной личности, и к социальной группе, и к этносу, и к государству. Идентичность может приниматься по-разному в зависимости от того, что является основным идентифицирующим признаком. Так, речь может идти об этнической, культурной, религиозной, социальной, гражданской и государственной идентичности.

Важность исследования социальной идентичности заключается в том, что поведение человека, его действия во многом зависят от исходной социальной позиции, в которой он действует – причем, значимым является не только само объективное положение индивида в социальной структуре, но также и то, каким оно видится своему носителю.

Проблематика социальной идентичности находится на стыке интересов социальной философии, социологии, истории, культурологии, когнитивной психологии, психологии личности и социальной психологии. Для отечественной социологии проблематика социальной идентичности, идентификации личности является достаточно новой.

Это объясняется рядом обстоятельств. В советском обществе, с точки зрения господствующей в стране идеологии, проблемы социальной идентичности не было как таковой. Можно сказать, что в этот период,

* © Прохоров Д.В., 2016

Прохоров Денис Викторович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета

* Выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона», проект № 15-13-63004 а(р)

действительно, проблема социального самоопределения членов общества не была характерна для основной массы населения ввиду отсутствия самой потребности самоопределяться и, главное, из-за отсутствия возможности альтернативного выбора. Ряд исследователей подчеркивает сходство советского общества, особенно в «классической фазе тоталитаризма», с традиционным обществом по их главному показателю — «бессубъектности индивида» [1, с. 170-172; 2, с. 170]. Для традиционного общества характерно доминирование общинно-сословной идентичности, в советском варианте эту функцию выполняла навязанная государственно-гражданская идентичность — «советский человек» [3].

Другая причина связана с условиями функционирования самих социальных наук в тот период. В ситуации господства идеологической установки на формирование новой исторической общности «советский народ» и утверждение полной «социальной однородности», исследования множественных социальных идентичностей оказывались теоретически невозможными и практически весьма затруднительными.

В начале 1990-х годов проблематика социальной идентичности и идентификации личности была открыто заявлена в отечественной социологии [см., например: 4; 5; 6], и с этого времени термины «социальная идентичность», «личностная идентичность», «идентификация личности» широко используются в российском научном лексиконе.

Введение новой терминологии не является случайным: указанные понятия обрели реальную содержательную основу в трансформирующемся российском социуме. Вследствие крушения советских социальных структур и, соответственно, девальвации прежних четких социальных идентификаций, индивиды вынуждены заново самоопределяться в модернизирующемся социальном пространстве, отличающемся амбивалентностью и нестабильностью.

Проблемы социальной идентификации россиян в реформируемом обществе привлекают внимание многих исследователей. Осуществляется анализ и апробация в адаптированном виде в российских социокультурных условиях известных зарубежных концепций и методов. Для концептуализации особенностей идентификационных процессов, выявляемых в современных российских условиях, автор проанализировал эвристический потенциал различных подходов к данной проблематике, существующих в зарубежной науке.

Исходной методологической посылкой данного исследования выступает постулат, согласно которому личностная идентификация и социальная идентичность личности представляют собой объект кроссдисциплинарного характера. Существует довольно широкий спектр трактовок социальной идентификации личности, связанных с научными традициями разнообразной ориентации. Условно можно выделить две стратегические линии теоретической интерпретации и эмпирического исследования личностной

идентичности. Первая уходит корнями в психологическую науку, вторая сформировалась в рамках социологии.

Термин «идентичность» происходит от позднелатинского слова «identitas» – тождество, которое в свою очередь производно от местоимения idem - «тот же самый», то есть по-русски identitas означает «то же самое», «тождество». Формирование разнообразия в социальной жизни и культурных традициях особенно ярко проявляется в западном обществе, начиная с XVIII века. Просвещение открывает эпоху тотального сомнения и краха абсолютных ценностей. Гарантированные ценности уступили место всеобщему сомнению, причем не только в рядах просвещенной элиты, но и среди политических масс. Главной движущей силой становления социальной идентичности становится стремление соотнести внутренний мир с внешним в воспроизводящейся ситуации усложнения, множасьего разнообразия, реализуемого развитием и распространением систем информации, знания и информационных технологий. Усложнение социальной, экономической, политической и других систем создает множество перспектив, выборных ситуаций, жизненных стилей, порождающих посттрадиционный порядок. Человек вовлекается в мир постоянного выбора, где он сам должен решать, кто он, где и с кем. Особо важным представляется развивающаяся плюрализация жизненных стилей. В XX веке секторы жизненного стиля стали более разнообразны, создавая не похожие, но совместно существующие контексты, из которых можно выбрать свой собственный [7, с. 110].

Становление социальной идентичности как феномена стало протекать в рамках преодоления противоречия между стремлением сохранить целостность и множасьимся разнообразием во времени и пространстве. Проблема социальной идентичности появляется как необходимость упорядочивания разнообразия.

Изменение структуры социальных отношений определяет дальнейшие сдвиги в индивидуализации и персонализации. Ослабление внешних детерминант социальных связей принуждает индивида самому искать решения в поворотные моменты своей жизни, не полагаясь на уже установленные связи: с родителями, с воспитателями, с коллегами.

Становление идентичности заключается в процессе тяжелого выбора между легко приобретаемым Я-заимствованным, скопированным, принудительно приобретенным и Я, которое получают собственными усилиями и стараниями, в результате приспособления внутреннего мира к разбегающейся вселенной внешнего мира.

Упорядочивание разнообразия осуществляется самим человеком в ходе повседневной практики с помощью информации о ситуации, приобретенных знаний, рационализации действий. Человек способен контролировать свое поведение, рефлексивно рассматривать течение деятельности, преследовать собственные цели в непрерывном потоке социального времени. Результатом упорядочивания становится социальная идентичность.

В современных социально-ориентированных исследованиях термины идентичности и идентификации раскрываются по-разному. Так, когда говорят «идентичность», акцент делается на некотором состоянии, как на относительно конечном результате самоотождествления; в то же время «идентификация» - процесс, специфика психологических и социальных механизмов, ведущих к этому состоянию.

Вопрос о содержании этих понятий и о путях выработки и укрепления общих для государства и общества смыслов определяет поле публичной дискуссии: понятие «идентичность» используется в научной литературе, политических заявлениях, сообщениях средств массовой информации, повседневном дискурсе. Для российской научной традиции понятие государственной идентичности является относительно новым: до 1990-х гг. оно включалось в рамки концепта «этнического (или «национального») самосознания», характеризующего прежде всего принадлежность индивида к этнической общности на основе разделяемых представлений об общей территории, языке, культуре, истории и государственности, а также этнических ценностей, интересов. Данная трактовка используется представителями примордиалистского направления (Ю.В. Бромлеем, Л.Н. Гумилевым), информационной теории этничности (С.А. Арутюновым, Н.Н. Чебоксаровым), конструктивистского направления исследования этнического самосознания (В.А. Тишковым), а также сторонниками мультипарадигмального подхода к изучению феномена национальной идентичности (Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколовым).

Вместе с включением в отечественный научный дискурс западных теорий идентичности или «самости» (концепций Э. Эриксона, Дж.Г. Мида, Г. Тэжфела, Дж. Тернера и др.) в российских исследовательских работах все большее распространение получают понятия «этническая идентичность», «национальная идентичность», «социокультурная идентичность», «гражданская идентичность» и «государственная идентичность», которые в связи с акцентом на анализе системообразующих и структурно-конституирующих практик этнической группы или сообщества более релевантны социологической и социально-психологической исследовательским парадигмам. Идентичность в данном контексте – это не только самоидентификация людей с соответствующей общностью, но и представления об этом объединении (образ «мы» включает конструкты себя и других), а также о характеристиках данной группы: культурных, религиозных, лингвистических, территориальных, исторических и т.д. Чем больше в общности число разделяющих единую идентичность, тем выше вероятность совместных действий в ее интересах. Эти подходы оказались важными для России, когда российские социологи стали рассматривать социальные категории, в том числе государственные и этнические, через стратегию построения «мы-идентичностей» (Ядов В.А., Данилова Е.Н., Климова С.Г. и др.).

С позиций концепции социального конструирования реальности государственная и гражданская идентичность функционируют благодаря существованию в обществе этих категорий и систем классификаций, которые усваиваются личностью в процессе социализации. Значимость государственной и гражданской идентичности, так же, как и этнической формируется, если в процессах категоризации участвуют элементы знания, которые для личности представляют ценность. Отсюда роль семьи, школы, СМИ. В соответствии со знаниями конструируются и ценности, которые выступают как регуляторы и представлений, и формируемых ими идентичностей.

Тема идентичностей – одна из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом. Каждый раз с изменением политической ситуации, исходя из теорий символического интеракционизма, ролей и социальной категоризации выбираются те концепты, которые интерпретаторам (политикам или политологам) кажутся наиболее приемлемыми для их проектов. Не является исключением и проблема взаимодействия и акцентации государственной, гражданской и этнической идентичности.

Здесь нельзя обойти вниманием понятие «гражданство». Оно объединяет сложную совокупность значений, в которую входит определение правового и социального статуса индивида, признаки его политической и государственной идентичности, фокусировка культурной и политической лояльности, требование исполнения нормативно и морально определенных требований (долга), а также мера ожидаемого («правильного») поведения в обществе [8, p. 163].

Государственная идентичность является фактором консолидации индивидов вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и действиях граждан – залог политической, духовной консолидации, единства общества. Именно этот аспект выделяется в публичных выступлениях российских государственных деятелей, а также в большинстве отечественных научно-исследовательских работ, посвященных данной теме. Здесь наиболее показательными примерами для нашей страны являются выступления Президента России – ежегодные Послания Федеральному собранию, обращения к народу, прямые линии с Президентом, в которых содержится комплекс идей об основах российской государственной и гражданской идентичности. Это идеи сильного государства, необходимости современной армии и флота, возрождения России как великой державы и завоевания ею достойного положения в современном мире, гордости за великое прошлое страны, российского патриотизма, мультинациональных и многоконфессиональных характеристик российского государства и др. При этом отсутствие концептуально разработанной, теоретически оправданной и систематизированной государственной идеологии, национальной идеи, придающей общий смысл и содержание российской идентичности, рассматривается как серьезное

препятствие прогрессивному развитию общества и государства. Как отмечает Б.Г. Капустин, гражданство «создается» посредством абстрагирования определения гражданина от целого ряда партикулярных определенностей человека, обусловленных его принадлежностью к социальным группам, возникшим по признакам соседства, вероисповедания, профессии, генеалогии, пола, цвета кожи, уровня дохода и т.п. [9, с. 67–68]. При этом в «классическом» варианте трактовки понятия для гражданства неизменно характерен императив «служения». Так, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, гражданин – это человек, который «работает для всеобщего, имеет последнее своей целью и служит общему благу» [10, с. 360].

Однако процессы последних десятилетий, формирующие в своей совокупности «современное общество», изменяют традиционные характеристики гражданства и логики формирования гражданской идентичности. Эти процессы получили в научной литературе особый маркер – «вызовы / риски глобализации». Наиболее значимыми из этих «вызовов» являются:

- распространение глобальной конкуренции (конкуренция на глобальных рынках);
- кризис «Welfare State»;
- формирование социальных, экологических, технологических рисков;
- рост миграционных потоков;
- расширение явления маргинализации в обществе;
- информатизация и компьютеризация, принципиально меняющие формат социального взаимодействия индивидов и социальных групп;
- вестернизация и «макдональдизация», обостряющие глобализационные и локализационные процессы;
- бурный рост индивидуалистских и утилитаристских ориентаций в культуре современного человека, его замыкание в сфере частной жизни в ущерб общественным делам.

Сегодня возможность свободно передвигаться как в физическом, так и в социальном и виртуальном пространствах, преодолевая географические и культурные границы, изменила практики «выбора» человеком самого себя и своего отношения к событиям, процессам и институтам. Как отмечает У. Бек, скорость, с которой современный человек переопределяет себя, связана с увеличением неопределенности социальной реальности, усилением роли случайностей и рисков в жизни человека, непредсказуемостью будущего. Процесс обретения собственной идентичности, предполагающей переживание человеком целостности своего «я», превращается в этой связи в самопроектирование – «экспериментальную ситуацию» с неопределенным исходом. Идентичность не предустанавливается ни традицией, ни местом проживания или рождения, а формируется, выбирается человеком в процессе собственной жизни [11].

Информатизация общества поместила каждого отдельно взятого индивида в центр коммуникативного пространства, основанного на

глобальных поводах для взаимодействия, влияющих на развитие идей, норм, ценностей, моделей поведения. Государственные институты и государство испытывают все более отчетливые и сильные вызовы со стороны международных мигрантов, средств массовой информации и, конечно, сети Интернет. Все эти тенденции приводят к резкому снижению основных показателей, которыми измеряются качества «гражданина»: осведомленность о политике, интерес к государству, готовность принимать участие в «общих делах», ответственность за то, что происходит в стране и т.д. Государственная и гражданская идентичности перестают быть постоянным, непрерывным качеством личности и приобретают дискретный характер.

Э. Лаклау [12, р. 47–65] характеризует такую ситуацию как ситуацию «смещения», разворачивающуюся в логике «чрезвычайных положений»: известно, что потребность в самоидентификации актуализируется в периоды перестройки социальных отношений, разрушения прежней и формирования новой идеологии, нестабильности внутренней и внешней политики. З. Бауман отмечает, что обсуждение проблемы идентичности «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [13, с. 176–177].

Идентичность, позволяющая реализовать ту форму восприятия общности с другими людьми, которая, с одной стороны, обладает довольно четкими характеристиками границ и различий «они – мы», а с другой, не отрицая других идентичностей, дает индивиду «свободу индивидуализма», необходима в современном мире, и поддерживаться она может и должна именно в рамках государства. Этот факт подчеркивается все более интенсивным использованием в отечественной науке понятия «государственная идентичность», которое хоть и рассматривается зачастую как синоним идентичности национальной, но в то же время переносит акцент с идеи культурной унификации на идею единых границ, территориальных и символических [см., например: 14; 15]. Государство при этом трактуется уже не как система институтов, выполняющих функции принуждения, а как когнитивно и эмоционально близкое индивиду социальное целое (данная позиция выражается в употреблении синонимичных слов — «страна», «родина»). Это сближает научную и повседневную трактовку понятия, делая его более прозрачным и удобным для понимания и оценки.

Учет всех этих обстоятельств повысит социальную эффективность государственного и муниципального управления нашей страной [16; 17], если при этом оно будет строиться на современных системных представлениях об обществе [18; 19].

Таким образом, проблемы поиска индивидуальной и групповой идентичности затрагивают все общество в целом, хотя и не выступают первичной базовой потребностью для современного индивида. Государство при этом является значимым объектом самоотнесения, логической предпосылкой идентификационной цепочки «дом – поселение – регион –

страна», предоставляя индивиду возможность соотнесения себя с социальным целым. Именно тем, насколько это удалось, конкретное государство во многом доказывает свою жизнеспособность в современном мире. В мире открытых территориальных и информационных границ государство зачастую становится условным домом для индивида, позволяющим при всей многовариантности самоидентификаций оставаться «собой». В этом плане в государственная идентичность не противостоит гражданской. Их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивидов в упорядочивании социальной реальности и является актуальным предметом дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Ядов В.А. Символические и примордиальные солидарности в условиях быстрых социальных перемен / В.А. Ядов. // Проблемы теоретической социологии. - СПб.: Петрополис, 1994. – С. 163-184.
2. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада и др.; под общ. ред. Ю.А. Левады. – М.: Мировой океан, 1993. – 300 с.
3. Левада Ю.А. «Средний человек»: фикция или реальность? / Ю.А. Левада. // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 288-304.
4. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – 168 с.
5. Социальная идентификация личности - 2/ Под ред. В.А. Ядова. Книга 2. – М.: Институт социологии РАН, 1994. - 298 с.
6. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов. // Мир России. – №3-4. – 1995. – С. 158-181.
7. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. – Ростов-н/Д.: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с.
8. Heater D. Citizenship: The Civic Ideal in World History, Politics and Education / D. Heater. – L.: Longman, 1990.
9. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / Б.Г. Капустин. – М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011. – 224 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Йенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х томах / Г.В.Ф. Гегель. – Т.1. – М.: Мысль, 1970. – 668с.
11. Beck U. The Cosmopolitan Vision / U. Beck. – Cambridge, Malden: Polity, 2006.
12. Laclau E. Subject of Politics. Politics of the Subject' // Laclau E. Emansipation(s) / E. Laclau. – London: Verso, 1996.

- 13.Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
- 14.Рубцова М.В. Государственная идентичность как фактор управляемости современным обществом / М.В. Рубцова, А.Г. Санина. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. - №3. – С. 86-97.
- 15.Инковская Ю.Н. Идентичность как элемент государственной политики брендинга территорий / Ю.Н. Инковская. // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/111-10128>.
- 16.Лукьянова В.В., Рудакова О.В. Социальная эффективность государственного и муниципального управления // Основы экономики, управления и права. № 6 (12) 2013. – С 23-28
- 17.Термелева Е.Е. Особенности социальной политики на региональном уровне в России // Современные проблемы управления. Сб. науч статей. – Самара, 2015. С. 68 – 72
- 18.Ключников С.А. Системное видение социальных объектов (Часть 1) // Вестник СамГУ. Серия «Экономика и управление». Самара, 2014 №2 (113) с.92-97
- 19.Ключников С.А. Системное видение социальных объектов (Часть 2) // Вестник СамГУ. Серия «Экономика и управление». Самара, 2014 №4 (115) с.92-98

*D.V. Prokhorov**

THE CONCEPT OF IDENTITY AS A SUBJECT OF ACTIVITY PROBLEMATIZATION IN THE SPHERE OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article is devoted to the research of the management aspect of the concept of "identity" in the modern social and political conditions. The relationship of identity formation and the organization of public administration processes is analyzed. There is founded that the problems of civic and state identity search (both in individual and group plans) are very actual for the whole society.

Key words: identity, public administration, state, society, Russian society.

* © Prokhorov D.V. 2016

Prokhorov Denis Viktorovich – associate Professor of chair of state and municipal management, Samara University